

УБРЯ
НОВА

Читайте книги **Ульи Новы** –
мастера современной городской прозы

СОБАЧИЙ ЦАРЬ

ЛАЗАПКИ

**АККОРДЕОНОВЫЕ
КРЫЛЬЯ**

Улья
Нова

АККОРДЕОНОВЫЕ
КРЫЛЬЯ

Москва
2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н72

Художественное оформление серии *Е. Анисиной*

В оформлении обложки и титула
использованы иллюстрации *В. Тимофеевой*

Нова, Улья.

Н72 Аккордеоновые крылья : [сборник] / Улья
Нова. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
384 с. — (Улья Нова: городская проза).

ISBN 978-5-699-95020-1

Работала Антонина на кондитерской фабрике. Носила юбки и платья необъятных размеров. И не догадывалась, что скоро случится у нее великая любовь с сидящим аккордеонистом, который наигрывает вальсы возле метро. Любовь случилась, но счастливая жизнь не обещала быть долгой... Антонина с легким сердцем отпустила его — когда аккордеонист, прощаясь, разбежался на пустынном перроне и улетел на крыльях своей музыки, навсегда оставляя в сердце возлюбленной нежность и боль...

Перед вами сборник новелл, которые объединяет не только стиль повествования — в них переплетаются «цветочная» нить любви и «черная» ниточка боли. И «цветочного» в них, как и в нашей жизни, все-таки больше!

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Улья Нова, 2017
© Тимофеева В., иллюстрации, 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

ISBN 978-5-699-95020-1

КТО ТВОЙ АНГЕЛ?

Маленькая часовенка была закрыта. Анечка несколько раз подергала железную ручку черной двери: «Заперли, опоздала». Ни тебе Рождества, ни свечки, ни шоколадных с позолотой икон, ни баса батюшки. Черная запертая дверь, снежок, темные окошки. Рождество случилось.

Анечка заспешила домой. Но метро тоже уже закрылось, пришлось ловить попутку. Она долго стояла на обочине, старательно тянула руку, будто выучила все наизусть и теперь нетерпеливо вызывалась ответить урок. Мимо проносились машины. После каждой проехавшей становилось холоднее. И город укутывала ночная зимняя грусть. Наконец притормозила «копейка», а подробнее их Анечка не различала. В салоне было темно и накурено. Водитель в мятой кожаной кепке, похожей на чайный гриб, прохрипел, что в честь Рождества денег не возьмет. Так уж и быть, довезет, не обидит. Так он сегодня решил, в честь праздника. Машина, а в ней Анечка, полетели по заснеженным пустынным улицам. Было странно, но Анечка не возражала.

Усталая от того, что в последнее время постоянно приходилось куда-то спешить и все равно не

успевать вовремя, что люди вокруг требовали внимания и жалости, что жить почему-то становилось все тяжелее, Анечка нахохлилась в гнездышке меховой шубки и совсем скоро заснула. Машина продолжала скользить по темному городу. Повсюду мерцали гирлянды, звездочки, разноцветные новогодние лампочки и неоновые снежинки.

Когда-то Анечке хотелось верить в ангела. В те времена ангелов в ее жизни совсем не было, а намеренный поиск приводил к неприятностям. Поэтому Анечка пыталась выяснить у самых разных знакомых, какое должно возникнуть чувство, когда ты впервые встречаешь своего ангела на улице или если ангел укрывает тебя крыльями от беды. Ей очень хотелось знать, на что это похоже, когда ангел неслышно пролетает под потолком комнаты, освещая своим теплым сиянием темные уголки и, вдохнув сон, ускользает в форточку.

Одна женщина в очереди сказала, что все свыше должно внушать страх. Это разочаровало Анечку, потому что она не любила бояться. Старушка-вахтерша призналась, что лишь однажды за всю свою жизнь видела ангела. Это случилось на Черном море, вечером. Ангел тихо прошел по маленькой комнатке пансионата. Старушка-рассказчица в то время была еще молодой незамужней девушкой, она спросонья вся затрепетала от счастья. Но настоящего счастья в ее жизни никогда не было, только отдельные проблески, блески. Бывший Анечкин парень утверждал, что видит ангелов довольно часто и как-то раз даже сумел дотронуться до мягких, прозрачных крыльев одного из них. Но

они все равно расстались прошлой весной — просто так, потому что любовь закончилась.

Однажды Анечку попросили присмотреть за трехлетней племянницей. Анечка читала книжку, а маленькая девочка ползала по полу, разбрасывала кубики и заводила свои квакающие и булькающие музыкальные игрушки. Потом вдруг маленькая девочка затихла и уставилась в черное незанавешенное окно, долго смотрела туда и сияла теплой, счастливой улыбкой. Анечка отложила книжку, подошла к окну, осмотрела улицу и спящее под черным пододеяльником небо. Но ничего и никого там не нашла. Видимо, ангел уже улетел. Или он был предназначен только для маленьких девочек и не хотел показываться на глаза недоверчивым и подозрительным взрослым.

Сейчас Анечка дремала в машине, покачиваясь из стороны в сторону. Свет фонарей и фар освещал ее редкие реснички, пухлую щечку и уголок рта, утопающий в сером мехе шубки.

Анечке снилось, что она — тоже маленькая часовенка, отстроенная добрыми людьми у дороги, в глухой тайге. Только одна бумажная иконка и еще треножник на три свечи, больше там внутри ничего не было. Иногда редкие снежинки прорывались внутрь через трещины купола и медленно опускались к полу, мерцая в сумраке. Так было долго — шли годы, десятилетия и ничего не менялось. Потом однажды в темноте послышался настоящий стук. Кто-то отворил тяжелую железную дверь часовенки, вошел в темноту, принес с собой из тайги вьюгу и завывающий ветер, пах-

нуший заиндевелой хвоей. В темноте ничего не было видно. Ни лица, ни одежды. Только черная глыба человека и его порывистое дыхание, клубящееся на выдохах паром. Он достал из кармана коробок спичек, неуклюже уронил, ругнулся, тут же поспешно перекрестился. Взял с полки у стены свечку, зажег, поставил. Долго рылся в карманах, не нашел монетки. Постоял, поклонился, вышел. У него за спиной были крылья.

Во сне Анечка улыбнулась. Было радостно. Где-то на задворках сна хор тихонько пел рождественские гимны. Они ведь знакомы, просто Анечка не догадывалась, что он — ее ангел. Ей сразу стало трудно жить, узнав того, кто зажег эту свечку в маленькой таежной часовенке, в ее темной душе. Зато ей теперь было светло от простоты решения, чудно вспоминать всю свою прошлую жизнь и то, сколько раз она проходила мимо него, не замечая.

Теперь, во сне, Анечка испытала страх того, что свыше, о котором когда-то говорила ей женщина в очереди. Теперь, во сне, Анечка боялась нарушить расстояние, разделявшее их. Она удивилась — оказывается, это так ответственно, знать своего ангела, быть рядом и никогда не коснуться его крыльев, его ладони.

Теперь она знала, что у ее ангела совсем не такие тонкие пальцы, как рисуют на иконах. У него обыкновенные, даже чуть грубоватые руки. Анечка была уверена, что пока он присутствует где-то рядом, она не сможет быть злой и только его никогда не сможет околдовать. Во сне она размышляла о девушке, которая была так прекрасна и чиста,

что ангел не сумел удержаться и на земле родился их сын, от которого ведет начало весь ангельский род, огромное белокрылое воинство. Теперь Анечке было тепло, ведь она знала: где-то в закоулках города, в подвале, на узенькой кушетке охранника, прикрытый драповой курткой, спит ее ангел.

Анечка не могла знать только одного: часовенке в глубине тайги было триста с лишним лет. Стены часовенки — древние, изъеденные жуками-короедами сосновые бревна. Свечка горела медленно, нагреваясь от пламени. Свечка постепенно размягчилась, накренилась, изогнулась, а потом и вовсе упала с треножника на деревянный пол. Пожар занялся мгновенно. Сгорела бумажная иконка. Занялась стена. Вскоре таежная дорога озарилась неугомонным пламенем. Языки огня плясали на фоне черных стволов, снега и ночи.

— Приехали, красавица, — прохрипел водитель, — твоя остановка.

Ответа не последовало. Ни звука, ни шороха. Водитель оглянулся. На заднем сиденье никого не было. Пассажирка в шубке исчезла. От неожиданности водитель замер. И даже немного испугался. На всякий случай он еще раз старательно оглядел заднее сиденье от правой до левой двери. Потом пожал плечами и почему-то подумал, как же легко ошибиться, как же легко все на свете перепутать. Он-то намеревался сегодня, в Рождество, довести кого-нибудь до дома и не взять ни копейки. Это был такой особый Рождественский дар. Водитель был уверен, что разговор со всеми, кто свыше, — это добрые дела и щедрые поступки. В глубине души

ему было очень страшно забирать свой повторный анализ из больницы. Теперь водитель сокрушался: наверное, надо быть смелее, как-нибудь обходиться без всяких этих суеверий и дурацких сказок. В ту ночь он больше никого не подвозил ни за деньги, ни за надежду. Расстроенный и притихший, он неторопливо рулил домой, от Профсоюзной — в Орехово. На всякий случай по дороге он решил ничего не рассказывать жене и сыну. Просто умолчать об этом странном случае, как будто ничего особенного не произошло. Он ехал по пустому шоссе, почти один. А над городом кружили сиреневые ангелы снегопада и черные крылатые лошадки рождественской ночи.

После праздников водитель все же набрался смелости, доехал до больницы, забрал свой повторный анализ. Поначалу ничего не понял в закорючках и росчерках. И полупрозрачный листочек с закорючками дрожал в его руке, прямо как сочинение на выпускном экзамене в школе. Внимательно выслушал врача, изредка на всякий случай кивая на бесцветные медицинские термины. Впервые с осени выдохнул с облегчением: «Спасибо, доктор! Ну и хорошо — еще поживем». Все случившееся было обычным, будничным, как будто иначе и быть не могло. Правда, чуть позже, уже в машине, выезжая из больничного двора на шоссе, водитель все же улыбнулся своему доброму рождественскому ангелу в серой шубке. Никогда ведь не знаешь, кем эти ангелы прикинутся в следующий раз, кем они покажутся со стороны. И на всякий случай водитель прошептал Анечке: «Спасибо, красавица, еще поживем!»

ТРУБКИ СТАЛИНА

Так долго ехала на маршрутке мимо бесконечных пятиэтажек, что почти задремала. Растолкали: «Девушка, вам выходить». Заблудилась во дворах, силясь расшифровать наспех зарисованный адрес на листке ежедневника. Бежала по витой лестнице на третий этаж. В глазах потемнело. Все поплыло. Пару минут стояла, уперев руки в колени, силясь отдышаться. Была облаяна пекинесом из соседней квартиры. Долго звонила в дверь, жала звонок настойчиво и бестактно, начав сомневаться, не перепутала ли подъезд. Наконец открыл. В прихожей полумрак, а он невысокий. Широкоплечий. Бородастый. Бурят. Седой, с затянутыми в хвост волосами.

— Ты опоздала на десять минут, — как отрезал. Его голос — тихий басистый колокол. С лету перешел на «ты», чтобы сразу сблизиться и сбить все препятствия.

— Снимай пальто. Проходи в комнату. И там — раздевайся, — командует повелительно, но мягко. Умеет.

Ариша снимает пальто. Медленно снимает ботинки, умышленно замешкавшись в прихожей, заваленной ботинками, босоножками, всякими

мятыми сапогами, что разбросаны без разбору на тусклом паркете.

— Дальняя дверь! — кричит он откуда-то из глубины просторной квартиры.

Ариша проходит по коридору. Просторная квадратная комната. Новенькие обои в стиле турецких гостиниц три звезды. Посредине раскинулась во всю ширь необъятная супружеская кровать. Двухспальная, дубовая, основательная. «Умеют, уважают и спят на широкую ногу в этом доме», — с ухмылкой проносится у нее в голове. От волнения в виске начинает пульсировать крошечная жилка, которая всегда шалит в подобных случаях. Тем не менее любопытство сильнее. Ариша придирчиво осматривается. На кровати нет покрывала, трогательные семейные одеялки аккуратно сложены. Пододеяльники старые, в размытый какой-то цветочек, зато мягкие на ощупь.

Она садится на краешек, начинает медленно раздеваться.

— Белье можешь оставить на себе, — кричит он издали, возможно, с кухни. Оттуда же доносятся приглушенные смешки двух мужчин и женский приторный разговор. Рабочие? Гости?

— Хорошо, — зачарованно шепчет Ариша в ответ, — как скажете. Она снимает джинсы, скидывает кофточку. Бережно скатывает черные нейлоновые колготы. Белесой длинноногой птицей в синем кружевном лифчике замирает на краешке кровати, нерешительно раздумывая, прислушиваясь и ожидая.

— Приляг, — кричит он, — отдохни.

Тогда она послушно и медленно ложится на широченную кровать. Утопает головой в чужой

прохладной подушке. Чтобы отвлечься, рассматривает в шкафу вдоль стены почти картинные ряды книг в суконных переплетах, некоторые нетронутые, нечитанные, присутствующие на полках для красоты, а некоторые, наоборот, растрепанные, разломанные, затертые, напоминающие Арише ее собственную жизнь к этому часу. Чтобы отвлечься от сравнений, она всматривается в сервант, до отказа набитый курительными трубками. Сейчас больше всего на свете ей хотелось бы подкрасться, отворить стеклянную дверцу и хорошенько рассмотреть эти трубки, одну за другой, сколько успеет. Их там штук двести, а то и больше. Они разного цвета, из разной древесины, по-разному изогнуты. Но Ариша сдерживается. Гадает, на какой стороне кровати он спит. Тем временем он целеустремленно объявляется в комнате. Приободренный, пропахший кофе и табаком. В руке у него какая-то погремушка, он легонько постукивает ею: стук-стук. Так и есть, на безымянном пальце правой руки у него обручальное кольцо. Тонкое, из желтого золота, без затей — как у всех раньше.

— А ты ничего, — между делом сообщает он сквозь зубы.

— Спасибо, — шепчет Ариша, чуть выпячивая губы, по опыту зная, что это всегда срабатывает.

— Только слишком белокожая, северная красавица, прямо альбинос, — назидательно рычит он, — тебе бы не помешало иногда в солярии объявляться.

— Хорошо, — шепчет она еще тише, приглаживая волосы, скручивая их жгутом на затылке,

чтобы они тут же рассыпались по плечам, — зайду в солярий, раз вы советуете.

— И немедленно наплюй на все, — безразлично и размеренно басит он, — расслабься. А я тебе за это о коллекции трубок расскажу. Она у меня редчайшая в Москве и, наверное, во всем мире. Тут и трубки Сталина есть. — Уперев руки в бока, чуть выпятив живот, он с самодовольной гордостью оглядывает содержимое серванта. — Сталину в свое время присылали трубки отовсюду, со всех концов нашей необъятной, как говорится. Иногда дарили новые трубки. Иногда присылали трубки, украшенные слоновой костью, в форме кулака или головы Наполеона. А иной раз отец народов получал в подарок обкуренные трубки. Такие ценятся выше. Они уже продымлены каким-то человеком, знакомы с табаком, понимаешь. Поговаривают, что иногда трубки для Сталина обкуривали зэки. А еще моряки балтийского флота. Две обкуренные трубки Сталина лежат у меня здесь, спрятаны среди остальных. Только я их смогу найти при необходимости. А любой другой — не найдет и не отличит. Ну, трубка. Ну, не из лучшего вереска. Я их купил в середине 90-х. Сейчас каждая из них раз в двадцать подорожала, если не в пятьдесят, — хвастается он.

— А дадите покурить трубку Сталина? — стараюсь выпрямить спину и казаться насмешливо-бойкой, спрашивает Ариша.

— А это мы посмотрим на твое поведение, — бормочет он без улыбки. Насупленно оглядывает ее с ног до головы. Ариша старается казаться спокойной. Тогда он подходит.

Вообще, он медлительный. Как будто все время исполняет плавные упражнения из ушу. И невозмутимый, словно Будда. Садится на краешек кровати. Долго и пристально смотрит Арише в глаза. Что при этом думает, что пытается уловить в ее взгляде, непонятно. Ариша тоже смотрит ему в глаза и ждет, что будет дальше. От напряжения мышца между плечом и шеей начинает щемить, словно там протяжно скулит туго натянутая струна. Такое с ней теперь происходит постоянно — при резком окрике, при неожиданном телефонном звонке. Она вся будто издергана за сотни шелковых ниточек, которые собрали ее нутро в складку, не давая свободно вдохнуть, отнимая легкость. Между тем два пальца его правой руки внезапно касаются ее кожи. Большой и указательный пальцы его правой руки прикасаются к ее коже посреди предплечья. И прижимаются крепко-накрепко, навечно.

— Не бойся, — командует он, — смотри в сервант, на трубки. А еще лучше — смотри мне в глаза. Я сероглазый, между прочим. Сейчас седой, а раньше был жгучий брюнет. Раньше бы ты на меня совсем по-другому смотрела, девочка.

— Слушаюсь и повинуюсь, — шепчет она, стараясь улыбнуться.

— Вот, это дело! Такой я тебя люблю — подмигивает он в ответ, — скорее наплюй на все, тогда станет хорошо.

Но Ариша не плюет, она даже забывает выпячивать губы, напрягается всем телом, чувствуя дребезжание настроженных мышц-струн в ногах, руках, спине. Она ждет. Волнуется. И злится, по-